

— Есть и еще один... — демоница шевельнула пальцами, и струйка алого тумана лениво коснулась лица Цинь Фэна. — Какое заманчивое дыхание бессмертия.

Раздался сухой хлопок: Чу Ханьюэ перехватил поток тумана, развеивая его в кулаке. Шатаясь, он поднялся на ноги и с силой вогнал меч в землю. По залу прокатилась волна: кровавая дымка рассеялась с протяжным, леденящим душу воем, похожим на стоны озлобленных призраков.

— О, еще стоишь? Впечатляет, — женщина повела рукой, приказывая слугам опустить паланкин.

Она неспешно сошла на землю и направилась к Чу Ханьюэ. Миниатюрная, с лицом не больше ладони, она казалась бы хрупкой, если бы не глазницы, зиявшие двумя кровавыми дырами. Густой слой белил на коже подчеркивал черноту ее рта, разодранного до самых ушей. Когда она скалилась, обнажая ряд острых угольно-черных зубов, становилось ясно: перед ними — выходец из преисподней. И все же походка ее оставалась кокетливой, семенящей.

Остановившись перед Чу Ханьюэ, она задрала голову, рассматривая его.

— А ты хорош. Куда краше тех, кого притащили на днях. Пожалуй, сначала устроим брачную ночь, а сожру я тебя уже потом.

— Это ты похитила тех людей? — Чу Ханьюэ не сводил взгляда с ее ужасающих глазниц, пытаясь разгадать природу этой твари.

— Неужели не боишься? — демоница склонила голову набок. — Те, прошлые, сразу начинали дрожать.

— Зачем они тебе? — сухо спросил Чу Ханьюэ.

— Как зачем? Чтобы есть. Еда — она и есть еда, вы ведь тоже без нее не обходитесь, — она протянула когтистую лапу к лицу заклинателя, но в то же мгновение кнут Цяо Цяньли с резким свистом обвился вокруг ее запястья.

Демоница даже не обернулась, замороженно глядя на Чу Ханьюэ.

— Твое лицо... Оно такое прекрасное. Если я съем тебя, то стану такой же красавицей.

— Мечтай больше, — выцедил Чу Ханьюэ. — Лик твой безобразен, но сердце — стократ гаже.

— У каждого свои взгляды, — демоница резко дернула за кнут.

Цяо Цяньли, вложивший в этот удар последние остатки сил, отлетел в сторону, точно тряпичная кукла. Его тело с глухим ударом врезалось в городскую стену, выбив в кладке глубокую вмятину. На землю с грохотом посыпались обломки кирпичей.

Чу Ханьюэ сковал мертвенный холод. Он мог лишь беспомощно наблюдать.

— Твоя попытка бежать была разумной, — демоница легонько ткнула его пальцем, и Чу Ханьюэ, не удержавшись, рухнул на землю. — Жаль только, что ты опоздал на шаг.

Она обернулась к слугам:

— Живо поднимите его. Переоденьте и доставьте в мои покои.

Затем она подошла к Цинь Фэну и присела рядом, бесцеремонно схватив его за ворот.

— А теперь я займусь тобой.

— Не смей его трогать! — Чу Ханьюэ рванулся, но силы окончательно оставили его. Слуги подхватили его под руки, завязали глаза и заткнули рот.

Цинь Фэн тем временем с горечью осознавал собственную оплошность. Он не чувствовал ни рук, ни ног — ядовитый туман проник глубоко внутрь, вгрызаясь в божественную силу, пожирая ее изнутри. Даже такая могущественная нечисть не должна была обладать силой, способной сковать его.

Демоница ослабилась, обнажив черные клыки:

— Думаешь, откуда у меня такая власть над твоей силой? Самой мне не под силу поглотить божественность, но кое-кто помог. Он велел мне ждать тебя здесь. Пусть ты и бог, но плоть твоя сейчас смертна. Убить тебя проще простого, а если съем — сама стану божеством.

— Стать богом? И что в этом хорошего? Смертная тоска, — Цинь Фэн пристально смотрел на нее.

Вблизи он не чувствовал от демоницы той мощи, что должна была соответствовать ее способностям. Сердце екнуло: «Понятно. Это всего лишь марионетка. Настоящий кукловод прячется в тени. Он знает, кто я такой, и знал, что я спущусь в мир смертных».

— Почему же тоска? Став богом, я смогу безнаказанно жрать людей. Столько, сколько захочу, а не экономить, по одному в день, — демоница широко улыбнулась, облизнув губы длинным черным языком.

Цинь Фэн начал тайно концентрировать энергию, вступая в схватку с ядовитым туманом внутри себя. Кожа на его руках пошла пунцовыми трещинами, из которых начала просачиваться золотая пыль.

Демоница в изумлении уставилась на его руки:

— Ты пытаешься насильно изгнать их? Ты же умрешь!

— Похоже, я слишком долго просидел на небесах, — усмехнулся Цинь Фэн, игнорируя боль, пока трещины на коже становились все шире. — Мысли совсем заржавели. У меня сейчас два пути: либо умереть сейчас, либо позволить этой заразе выжрать мою суть, пока я не превращусь в иссушенный труп.

— Ты догадался... — пробормотала тварь.

— Но я выберу третий путь. Сдохнешь ты, — рука Цинь Фэна мгновенно почернела. — Но прежде чем ты отправишься в небытие, я хочу знать: кто за тобой стоит?

Лицо демоницы исказилось. В тот же миг из ее живота, пробитого насквозь, вырвался рой маленьких красных букашек. Сбившись в плотную массу, паразиты образовали кровавое облако.

Демоница с криком обернулась. Позади стоял Чу Ханьюэ. Он каким-то чудом сумел расправиться со стражниками и, улучив момент, нанес сокрушительный удар мечом в спину твари.

— Ты... Как ты смог?! — демоница распахнула пасть и, выставив когти, бросилась на него.

Чу Ханьюэ, обливаясь холодным потом, едва стоял на ногах. Он не успевал уклониться, но за мгновение до столкновения демоница вдруг рассыпалась облаком золотой пыли, осевшей на камни.

Цинь Фэн разжал ладонь. В глазах у него потемнело, и он потерял сознание.

Чу Ханьюэ, тяжело опираясь на меч, с трудом отдышался. Он опустился рядом с юношей, и у него перехватило дыхание. На теле Цинь Фэна не осталось ни единого живого места: вся кожа была покрыта багровыми разрывами, из которых все еще сыпалась золотая пыль. Присмотревшись, он понял, что красные букашки внутри ран живы.

Сердце кольнуло холодом — казалось, после такого не выживают. Но, коснувшись груди юноши, он почувствовал слабое, почти неуловимое биение сердца. Он едва дышал.

— Наставник, начался пожар! — Цяо Цяньли подполз к ним, тоже приходя в себя. — Как только смолкла музыка, вспыхнул огонь. Нужно уходить, скорее!

— Помоги мне с ним, — Чу Ханьюэ взвалил Цинь Фэна себе на спину.

Прежде чем пламя охватило все вокруг, они перемахнули через городскую стену и бросились назад, к выходу.

Когда они выбрались из колодца, наверху уже никого не было. Земля вокруг старого храма раскалилась так, что обжигала ступни. К счастью, жители городка успели эвакуироваться. Взмыв на мечях, Чу Ханьюэ с тяжелой ношей за спиной направился к окраине, где их ждали Ша Жусюэ и Шэнь Фэйхуа.

Младшие ученики, уже потерявшие надежду и собиравшиеся лететь за помощью к главе секты, застыли в изумлении, увидев живого Чу Ханьюэ и истерзанного Цинь Фэна.

Едва юношу опустили на землю, Чу Ханьюэ велел достать лекарства и бинты. Ученики, обступив раненого, испуганно переглядывались.

— Разве он выживет? Это же просто нищий, — буркнул один из них. — Может, оставим его у дороги?

Чу Ханьюэ полоснул его таким ледяным взглядом, что тот мгновенно прикусил язык.

— Принесите воды. Он отравлен демоническим ядом, природа которого мне неизвестна. Я лишь обработаю раны, а потом доставим его в секту — наставник должен помочь.

Чу Ханьюэ осторожно приподнял руку Цинь Фэна. При свете дня раны выглядели еще страшнее: плоть была словно вывернута наизнанку мощным внутренним толчком. Однако стоило ему коснуться одного из разрывов целебной мазью, как рана начала медленно затягиваться сама собой.

Цинь Фэн болезненно нахмурился. Он не мог открыть глаз, тело налилось свинцовой тяжестью, но паразиты внутри были мертвы, и кожа начала восстанавливаться. «Похоже, я и впрямь старею», — вяло подумал он. Тянь-ди не зря отправил его на землю — видать, хотел показать, насколько обнаглели здешние демоны, раз способны посягнуть на божественную суть.

Но еще больше его поразили люди. Чу Ханьюэ вдохнул ту же ядовитую пыль, но сумел выстоять и даже нанести удар демонице. «Не зря я заметил этого маленького бессмертного, — мелькнула мысль. — С таким упорством он скоро вознесется. И тогда мы сможем видеться на небесах хоть каждый день».

<http://bllate.org/book/17570/1650114>